

ПРЕВРАТНОСТИ ЛЮБВИ

Рассказы и повесть

ЗЕЛЕНый МУСТАНГ

Рассказ

*Существует расхожее мнение,
что губит людей не пиво...*

Этот шикарный кабриолет с откидным верхом, ядовитого, иссиня-зеленого цвета, подарил эрцгерцогу Фердинанду полковник Гаррах. Фердинанд сразу же дал автомобилю имя — Амазон. Потому что был он похож на любимых попугаев Его Высочества. Кабриолет построили по спецзаказу: бронированные днище и двери, пуленепробиваемые стекла, двигатель повышенной мощности и надежности, салон с изысканнейшими бархатными креслами. Перед тем как сесть в машину, эрцгерцог, по морской традиции, решил разбить о борт автомобиля бутылку шампанского. Увы, бутылка не разбилась. Попробовали еще — тот же результат. Тогда молоденькая, смазливая жена Фердинанда, желая сгладить инцидент, игриво сказала мужу, который держал в руках большую, отделанную серебром, кружку богемского стекла и ножку жареного вальдшнепа, — она сказала, что если не бьется шампанское, тогда облей, милый, его хотя бы пивом. Что Фердинанд и проделал: оросил из своей гербовой кружки капот Амазона добрым английским элем.

Вскоре они с женой были застрелены в этом автомобиле Гаврилой Принципом.

С началом первой мировой войны автомобиль реквизировали для нужд армии, и на нем стал ездить генерал Потьорек, который всем сортам пива предпочитал гамбургское «Имбирное». Вскоре он проиграл несколько сражений, был на грани самоубийства, его отстранили от командования соединением и отправили в бесславную отставку.

Автомобиль попал к штабному полковнику Шлегелю, который, как всякий истинный баварец, был любителем сосисок с тушеной капустой и темного баварского. Вскоре после получения под свое начало Амазона полковник, налившись горьковато-хмельным напитком по самые, как он выражался, петлицы, налетел на дерево и погиб, а автомобиль, у которого оказались повреждены всего лишь фара да зеркало заднего вида, перешел к коменданту береговой крепости.

Комендант крепости-форта ездил на нем три месяца. Был он эльзасец с непроизносимой фамилией, лихач и брETER, потому и не поднялся в военной карьере выше майора, любил охотничьи колбаски, крепкий «Портер» № 3 и певичек с пятым размером груди. За время эксплуатации кабриолета он попал в четыре аварии, потеряв в последней из них левую руку. После чего был награжден Железным Крестом II степени и уволен из действующей армии как герой войны.

Злосчастный кабриолет продали с аукциона. Купил его почти за символическую цену какой-то доктор Шмедт. Доктор был по-саксонски очень аккуратен и осторожен. Если выпивал хотя бы рюмку бренди или шнапса, за руль в этот день уже не садился. Так длилось около года. Через год доктор как-то расслабился и под селедочный форшмак хлопнул несколько рюмашек доброй русской водки из военных трофеев. И — о чудо! — обошлось. Он благополучно доехал домой. Доктор «расслабился» еще разок. И опять все сошло как нельзя лучше. Тогда доктор вконец потерял бдительность и стал гонять на Амазоне, не разбирая особенно дорог, погоды и времени суток. И все было хорошо. Просто отлично. Но однажды, под горячие, жаренные во фритюре цыплячьи крылышки, он употребил кельнского светлого, верхового брожения, и наутро его холодный труп обнаружили под лежащим вверх колесами автомобилем.

Вдова доктора поспешила подарить машину знакомому колбаснику-пруссакy, который вел примерный образ жизни, посещал кирху, подавал бедным, был отличным семьянином, и лишь раз в месяц, в последнее воскресенье, разрешал себе пропустить кружечку сладкого «карамельного» пивка «Кайзер Вильгельм». Но и тот через некоторое время неожиданно разорился и, вопреки христианскому учению, наложил на себя руки. Автомобиль по наследству достался его племяннику, отставному унтеру.

Жена племянника-унтера, панически боявшаяся машины-убийцы, уговорила своего семипудового мужа продать ее, не втискиваясь, даже ради интереса, в салон. Муж внял ее совету и дожил до седины. Машину же удалось «впарить» одному швейцарцу-гонщику, который то и дело устанавливал на «Мерседесах», «Фордах» и «Пежо» мировые и европейские рекорды. Тот, лишь только попробовал машину, сразу же пришел от нее в восторг и тут же заявил, что теперь все оставшиеся рекорды, безусловно, его. Однажды утром, выпив, как всегда, литр своего любимого «Альпийского» крепкого, выдержанного, выехал со двора, чтоб установить какой-нибудь новый рекорд, но не установил, так как врезался в придорожный столб и погиб. Через три дня семья гонщика очень осторожно и медленно ехала на кладбище в этом проклятом Амазоне, и все видели, что у него лишь слегка помято правое крыло да немного треснуло лобовое стекло.

От автомобиля убитой горем семье все-таки удалось избавиться. Его приобрела группа коротко стриженных молодчиков в коричневых рубашках. И вскоре к одной мюнхенской пивной на Амазоне был доставлен с вокзала их вождь, отставной ефрейтор с пижонскими усиками. Поначалу они вполне мирно пили баварское с вареными раками и солеными сырными галетами, но потом произошли события, которые зафиксированы в истории как «Пивной путч», где во время перестрелки погибло двадцать восемь человек, а фюрер загребел на нары. Кабриолет же был арестован и в очередной раз продан с аукциона.

Купил его какой-то бедный фермер-тиролец, державший в Альпах овцеводческую ферму. Газет он не читал по причине малограмотности. Поэтому и прельстился этой злосчастной машиной. Но претензий к работе автомобиля у него не было никаких. Лишь однажды у него заглох мотор. Мимо проезжал сосед, такой же темный фермер, на паре лошадей. Наш фермер, хозяин машины, попросил отбуксировать Амазона с помощью лошадей на его ферму. Сосед согласился. Они сели под кустик, выпили и закусили — хозяин налегал на вино и брынзу, а сосед — на самодельное тирольское пиво и холодную мусаку из овощей. Во время буксировки мотор у машины неожиданно зашелся — и несчастный добросердечный возница был задавлен Амазоном насмерть.

Следующий владелец, какой-то разбитной вестфалец цыганского происхождения, ехал на кабриолете на свадьбу племянницы; салон под завяз был набит его горластыми соплеменниками. Перед тем они хорошенько «посидели» в придорожной харчевне и под кровяную колбасу, зельц и жареные бараньи мозги осушили несколько кружек дешевого прованского полпива, которое французы называют «свинячьим пойлом», разумея под этим немцев. На повороте водитель не справился с управлением, и машина опрокинулась в кювет — добавилось еще четыре трупа.

В тридцатых годах машина, на счету которой было такое невероятное количество смертей, стала экспонатом городского музея в Вене. Наряду с копьем Лонгина, которым на кресте когда-то протыкался бок Христа, это был один из наиболее зловещих и жутких музейных экспонатов. Когда посетители подходили к автомобилю, разговоры среди них сразу затихали. Но время шло, и постепенно жуткие легенды об автомобиле-убийце стали восприниматься как забавные анекдоты. И скоро даже служители музея при упоминании о кабриолете лишь снисходительно ухмылялись. А один молодой охранник даже приспособился по ночам водить на мягкий бархат салона свою девушку. Однажды — уже во всю шла вторая мировая война, — когда охранник развлекался со своей пассией на мягких подушках Амазона, чей все еще нежный бархат помнил высокородные ягодицы эрцгерцога Фердинанда и его супруги (и не только их!), когда охранник лежал в неге, одной рукой обнимая обнаженное плечо своей возлюбленной, а другой держа бутылку пражского «Пильснера», особого, лагерного брожения, вдруг налетели английские бомбардировщики и стали бомбить Вену. Одна из бомб угодила прямехонько в музей. Музей был разрушен, погибли или сгорели все экспонаты, кроме копья и неистребимого кабриолета, в салоне которого осколком был смертельно ранен охранник, а его подруга, испуганная, заплаканная, но живая, встретила-таки рассвет.

Когда закончилась война, кабриолет, после ряда перепродаж, снова попал в частные руки. И опять скорбный список обновился. Одним из владельцев был вор-карманник, который уже через неделю после покупки погиб в пьяной драке. В полицейском протоколе была указана причина драки: в пивной не поделили с дружкой жареные судетские шпикачки.

Другой, тоже гангстер, установив на машину более мощный движок, что давало ему возможность легко отрываться от погони, сбил мирного прохожего, возвращавшегося из пивнушки-гаштета, где к каждой кружке «Миллера» по традиции подавали белую баварскую колбаску.

При снятии Амазона с железнодорожной платформы в Мийнце автомобильным крылом был задет рабочий, который упал на рельсы и ударился головой о пивную бочку с надписью «Бисмарк». Исход несчастного случая нетрудно предугадать...

Наконец, уже в начале семидесятых, парочка каких-то лохматых хиппи нетрадиционной ориентации, увлекавшихся коллекционированием всякого рода старья, мчалась на только что купленном кабриолете по горному серпантину в сторону теплой Адриатики. Навстречу им вывернулся грузовик с цистерной, на которой была намалевана кружка в барашках пены и написано — «Хольстен». И тут что-то странное произошло с древней машиной: она перестала слушаться руля, и у нечесаных, но химически завитых геев появилось ощущение, что это вовсе и не автомобиль, а старый глупый мерин или норовистый упрямый мул. Кабриолет, как осел, своенравно вильнул, прыгнул, как шаловливый жеребчик, встал на дыбы, как дикий мустанг, и опрокинулся. Пассажиры были

выброшены из кабины, однако отделались синяками и шишками; Амазон же — полетел. Полетел, но вскоре упал. Упал в глубокую пропасть, где — вы не поверите, но это медицинский запрототолированный факт! — наконец-таки взорвался. Взорвался и сгорел!

Мораль: машину с неукротимой душой мустанга нельзя красить в ядовито-зеленый цвет и называть именем глупой птицы, даже если та птица и красива. А также нельзя слушать глупых баб и благородному шампанскому предпочитать вонючее пойло, даже если те бабы — эрцгерцогини!

СОЛДАТ ЛЮБВИ

Пастораль

Мать называет его — Бисер; отец — Одер, и пророчит ему бесславный конец в лапше на Пасху. Но петух не обращает на эти пророчества внимания — у него есть заботы поважнее.

Надменный, важный, с гвардейской выправкой, расхаживает он по отцовскому варку, щелкая огромными загнутыми шпорами, строго поглядывая по сторонам — на домашних жирных индоуток, на пегий выводок гончаков, выгрызающих, как по команде, из шерсти репы, готовый как к нападению с целью защиты кур от любого произвола, так и к исполнению прочих своих многочисленных обязанностей.

Вот... стоило только упомянуть об обязанностях, как петух срывается с места и стремительно, пригнув голову, как ястреб, как «як-истребитель», несется за пестрой в буро-красную крапинку (особая, выведенная матерью «бисерная» порода), приземистой, довольно жирной курицей, вот.. погнал, погнал, да так стремительно и сноровисто, будто всю жизнь только тем и занимался, что устраивал спринтерские пробежки. Она ж и не думала сбавлять темпа, бежала, как летела, неслась от него, как голубица быстрокрылая, невинная, мчалась вроде как обреченно, несчастная жертва чужой, преступной, неудержимой страсти, эдакая униженная и оскорбленная невинность, неслась, вкоча, вроде как испуганно, с придыханьями возмущенными, в которых, тем не менее, опытный слух мог уловить нескрываемое торжество над товарками.

Да, она была далеко не так юна и простодушна, какой хотела казаться, она весьма сноровисто петляла вокруг тележных колес, изгрызенных ясель и навозных куч, на которых стояли другие куры, рыжие, пестрые, белые, с голыми розоватыми гузками, но в основном — «бисерные», ее сестры и тетушки; а также с неприкрытым любопытством следили за этими гонками романовские овцы, мелкие, но весьма плодовые — «сам-третей», а то и «сам-пять» — чудом сохранившиеся в наших палестинах, пережившие всяческие генетические гонения и именно на отцовском варке выжившие в количестве двух десятков, хотя раньше их было по России без счету, в каждом, почитай, дворе, вся русская армия одевалась в «романовские» полушубки; а также проявляли плохо скрываемый интерес к гонкам пуховые «придонские» козы, материны любимицы, очень выносливые, в отличие от «оренбургских», и неприхотливые, которых отец называет «чертями рогатыми»; пеструха между тем неслась, виляя и хитря, будто дразня своей жирной, на отлете, немного выщипанной, словно выбритой (по последней куриной моде, что ли?), пухленькой нежной гузкой, тем самым разжигая в петухе основные инстинкты. Представляю, как завопил его этот доморощенный «разогревший» стриптиз! Тут поневоле по-мужски посочувствуешь несчастному петушку.

Но он был тоже весьма опытен в амурных делах и по-петушину силен, он находился в самом петушине, как говорится, соку, — он гнал и гнал, настойчиво и молча, гнал, не тратя попусту сил на клекот и хлопанье крыльями, — он мчался пестрым метеором, желтые глаза навывкат, клюв плотно сжат, весь его облик выражал негодование: ах так! позорить меня вздумала! догоню и накажу! — но она не очень-то боялась его, она и не думала сдаваться, она по своей куриной внезапной прихоти, видно, пыталась хоть разок убежать от него, в ее куриные мозги вошла эдакая фантазия — убежать на самом деле, всерьез, пусть потом и пожалеет об этом, совсем немножко пожалеет, и даже посетует потом на свой куриный умишко, но сейчас ей хотелось хоть разок показать норы и гонор и оставить петуха с носом, чтоб потом похвалиться перед товарками: вот, дескать, какая, не то что некоторые, пернатые...

Отец, опершись о вилы, подбадривал петуха:

— Ну! Ну! Наддай еще! Дого-онит!

Мать, опустив подойник с белой ватой молочной пены, перечила хозяину:

— Нет, не догонит. Не на ту напал. Моя порода — кочетов не понимают.

Автор на этих словах подумал: вывела, черт возьми, каких-то феминисток!..

А петуху было глубоко плевать на наши возгласы и размышления — он знал свое дело, гнал ее и гнал, гнал упорно и не сбавляя темпа. Сказывалась кровь: в предках у него были «короли птичьего двора» — орловские кочета, морозостойкие, могущие ночевать под открытым небом, и никакие гребни у них не отмерзают, присутствовали также юрловские голосистые, у которых песня мощного, шалыпинского звучания, длительностью